

Реальный сектор

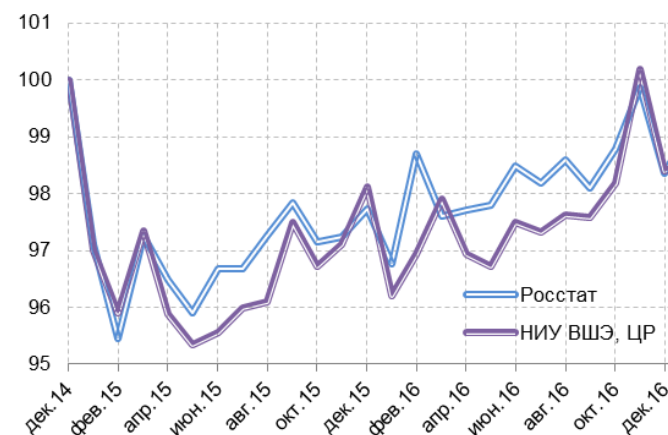
3. Промышленность, неопределенность и экономический рост

Оживление российской промышленности, наблюдающееся, если судить по пересмотренным данным, с середины 2016г., пока неустойчиво. В начале года фондовые индексы стали сигнализировать об ухудшении экономической конъюнктуры, а снижение неопределенности экономической ситуации, фиксируемое опросами Росстата, не подкрепляется другими источниками данных.

Общий тренд развития российской экономики в последние два с половиной года находится под более сильным воздействием динамики промышленности, чем это было до нынешнего кризиса. Промышленность, в отличие от сферы коммерческих услуг и бюджетного сектора, не только страдает от девальвации рубля в связи с общим снижением спроса и удорожанием (в рублевом выражении) импортного оборудования и комплектующих, но и получает «бонусы» из-за снижения (в валютном выражении) производственных издержек, формируемых на внутреннем рынке (в частности, оплаты труда). И второй фактор зачастую сильнее первого. Обновленные данные Росстата говорят о том, что **после падения промышленности на 0,8% в 2015 г., в 2016г. она увеличила выпуск на 1,3%. При этом в январе 2017 г. прирост составил 2,3% относительно того же периода прошлого года**, а с исключением сезонного и календарного фактора экономика превысила среднемесячное значение 2014 г. на 1,2%. Наши оценки, основанные на другом методе снятия сезонности⁷, скромнее: они говорят о том, что в прошедшем январе средний уровень 2014 г. был лишь достигнут, но не превзойден. При этом **относительно декабря 2014 г., то есть собственно**

⁷ Мы используем для снятия сезонности метод Census X12, разработанный в США, тогда как Росстат, видимо, опирается на метод TRAMO/SEATS, чаще используемый в Европе.

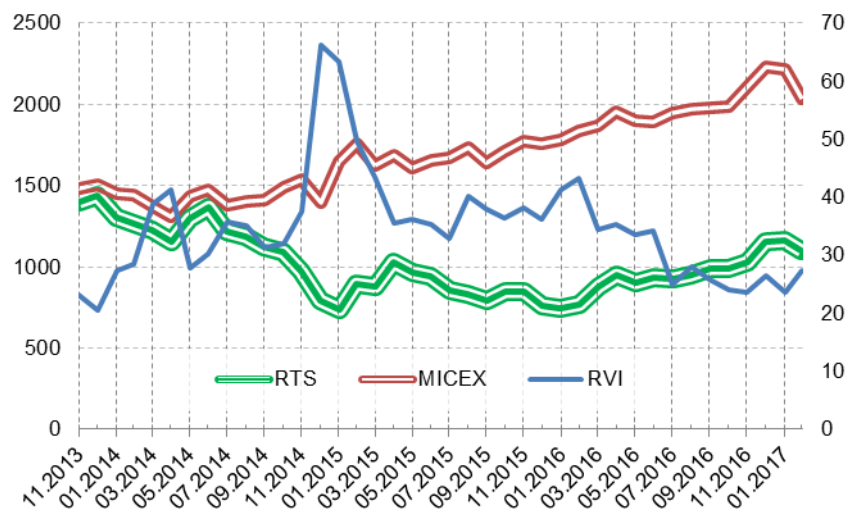
Рис. 3.1. Индекс промышленного производства (сезонность устранена) по данным Росстата и НИУ ВШЭ, дек. 2014г.=100%.

Источник: Росстат, Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ.

предкризисного «пика», промышленность – после устранения сезонного фактора, – по нашим оценкам, все еще находится ниже на 1,4%, а по данным Росстата ниже на 0,8% (рис. 3.1). В то же время можно сказать, что при учете собственно тренда промышленность непрерывно растет уже примерно 7 месяцев, и среднемесячный ее прирост составляет при этом около 0,25% к предыдущему месяцу со снятой сезонностью. При сохранении таких темпов за год рост промышленности составит, по нашим оценкам, не менее 3%, что обеспечит рост ВВП не менее чем на 2%.

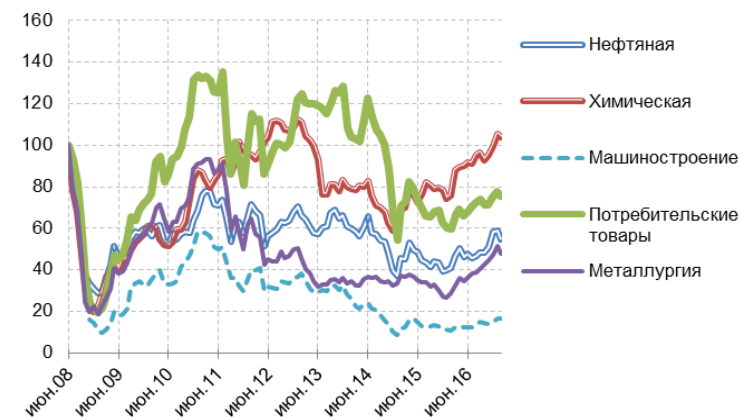
Рис. 3.2. Динамика российских фондовых индексов и индекса волатильности RVI (правая ось) в ноябре 2013 -феврале 2017гг. на конец периода

Источник: Московская Биржа, расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Впрочем, это оптимистичный сценарий, а реальность может оказаться заметно хуже. Об этом говорит ряд опережающих индикаторов. Во-первых, по сравнению с началом 2017 г. заметно «просели» сводные фондовые индексы Московской Биржи. Так, по состоянию на 2 марта индекс RTS упал на 4,3%, а индекс ММВБ –

Рис. 3.3. Динамика отраслевых фондовых индексов реального сектора в июне 2008 -феврале 2017гг. (на конец периода), июнь 2008=100%

Источник: Московская Биржа, расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Рис. 3.4. Динамика отраслевых фондовых индексов инфраструктурного сектора в июне 2008 -феврале 2017гг. (на конец периода), июнь 2008=100%

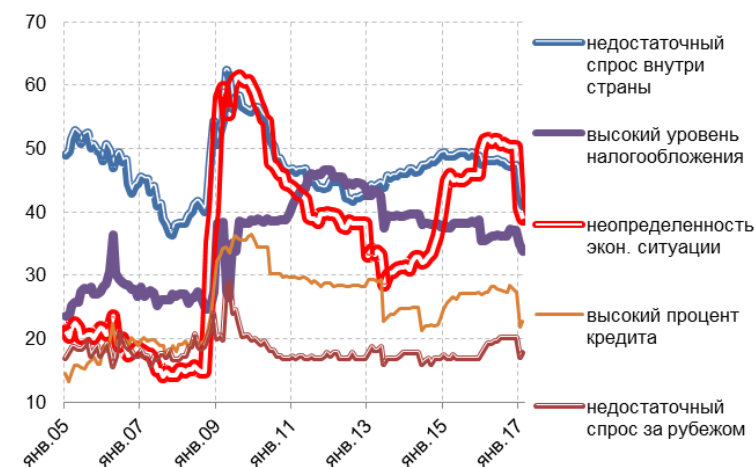
Источник: Московская Биржа, расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

почти на 8% (рис. 1.2). При этом, естественно, снизились и основные отраслевые фондовые индексы (как промышленные, так и инфраструктурные), которые так и не вступили в фазу тотального быстрого роста, что наблюдалось в 2009 г., когда начинался посткризисный «отскок» промышленного производства (рис. 3.3 и 3.4).

Во-вторых, несмотря на улучшение в начале года опросных данных относительно интенсивности воздействия на бизнес факторов, ограничивающих экономический рост (в том числе находившегося на первом месте фактора экономической неопределенности), ситуация с ограничениями роста в реальности далеко не радужная. С одной стороны, фактор экономической неопределенности называли в качестве ограничения роста в декабре 2016 г. 55% опрошенных представителей обрабатывающей промышленности, а в феврале 2017 г. – лишь 46%. В добыче это соотношение столь же разительно изменилось – с 42 до 33%. Для обрабатывающей промышленности и промышленности в целом этот фактор с первого места – по значимости для предпринимателей – ушел на второе, расположившись после недостаточного спроса на продукцию предприятий внутри страны и приблизившись к недостатку финансовых ресурсов и высокому уровню налогообложения (рис 3.5). Однако при этом другие индикаторы, позволяющие квантифицировать уровень неопределенности в российской экономике, в начале года не только не улучшились, но наоборот, ухудшились. Так, на фоне падения цен на акции вырос индекс волатильности фондового рынка Московской Биржи (RVI) (рис. 3.2), а трендовая составляющая Индекса экономической неопределенности (Economic Policy Uncertainty Index – далее EPU-index)⁸, достигшая исторического пика в марте 2015 г. после снижения до локального минимума в середине 2016 г., с декабря начала расти (рис. 3.6).

Неопределенность по-прежнему крайне негативно воздействует и на текущий бизнес, и на инвестиционную активность, что подрывает перспективы устойчивого экономического роста. В самом деле, кто будет вкладывать деньги в

Рис. 3.5. Динамика основных факторов, ограничивающих экономический рост в промышленности янв. 2005- февр. 2017 г. (доля опрошенных промышленников, указавших на фактор), %

Примечание. Опросные данные Росстата по добыче, обрабатывающим производствам и электроэнергетике взвешены долями добавленной стоимости секторов в общепромышленном показателе за 2010 г.

Источник: Росстат, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

⁸ Этот индекс рассчитывается известными специалистами из США для крупнейших экономик мира на основе компьютерного анализа прессы.

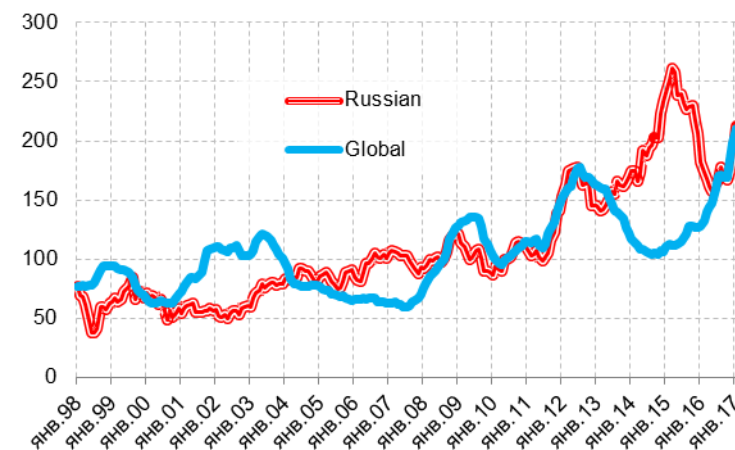
долгие и капиталоемкие проекты, если перспективы их окупаемости не очевидны и трудно прогнозируемы? Для снижения негативного воздействия неопределенности, как мы уже писали,⁹ может быть предложен ряд мер, в том числе повышение гибкости рынка труда. Прежде всего, речь здесь может идти о создании для бизнеса возможностей быстрого расширения и сжатия производства, а значит, быстрого, с одной стороны, поиска и найма новых квалифицированных работников, а с другой, их столь же быстрого увольнения для снижения издержек. Это обычные механизмы экономики предложения.

При этом анализ рынка труда – это одно из восьми стандартных направлений процедуры диагностики долгосрочного роста, при реализации которой со стороны спроса и предложения анализируются по четыре группы ресурсных факторов экономического развития: капитал (производственный и человеческий), структура занятости рабочей силы, производительность труда и инновации.

Все подходы к анализу долгосрочного роста – классические, кейнсианские и прочие – едины в одном: важнейшим его источником является рост производительности труда. Разнятся они лишь в выборе средств достижения этой цели. При этом обсуждаемые средства достижения роста производительности чрезвычайно многообразны: кто-то на первый план выдвигает развитие технологий, кто-то – институты и человеческий капитал, кто-то считает, что инновации и рост производительности связаны с развитием определенных секторов экономик (как правило, обрабатывающей промышленности и ИКТ) и предлагает в связи с этим поддерживать их с помощью специально выработанной структурной политики. Какой бы из этих подходов (или скорее, их сочетания) не был взят на вооружение, понятно, что для российской экономики рост производительности особенно важен, учитывая негативные демографические тенденции, не купируемые в полной мере притоком мигрантов и обеспечиваемым ими естественным приростом населения и рабочей силы, как в большинстве развитых стран. Ведь для увеличения в той или иной стране объема

⁹ См. «Комментарии о Государстве и Бизнесе» № 125.

Рис. 3.6. Индексы неопределенности экономической политики (Economic Policy Uncertainty Index- EPU index) для России и мира в целом (12-месячная скользящая средняя)

Источник: Economic Policy Uncertainty (web-site), расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

подушевого ВВП при сокращении числа занятых необходимо и компенсировать это сокращение, и обеспечивать дополнительный прирост производительности, что обеспечить гораздо сложнее. Приходится, как говорится, работать и за себя, и за того парня.

Обычно для развивающейся экономики изменение структуры занятости за счет перелива трудовых ресурсов из отраслей с низкой производительностью в отрасли с высокой производительностью – важнейший фактор роста производительности труда на макроуровне¹⁰. Например, для Китая и многих других развивающихся экономик он не менее важен, чем приток и генерация новых технологий и совершенствование институтов и систем управления экономикой. В этих странах из сельского хозяйства, как из необъятного резервуара, идет переток ресурсов в сектора с более высокой производительностью, что тянет вверх совокупную производительность и обеспечивает экономический рост.

Масштабный переток трудовых ресурсов из сельского хозяйства в промышленность, аналогичный тому, что происходил вплоть до недавнего времени в Китае, завершился в СССР еще в 30–50-е годы XX века. Столь же масштабно подпитывать переработку село в России уже не может. **В России равняться на Китай сейчас невозможно – нужны новые рецепты экономического ускорения, так как фаза первичной индустриализации у нас давно прошла.**

И все же совсем списывать со счетов этот фактор возможного ускорения российской экономики нельзя. Опираясь на данные Росстата, можно сказать, что доля занятых в сельском хозяйстве в России хотя и уменьшилась в период с 2002 по 2016 гг. на 3,5% (или почти на 2,2 млн чел.), но она все еще достаточно велика по меркам развитых стран (9% всех занятых в экономике, или более 6 млн чел.) (табл. 3.1).

¹⁰ См об этом статьи: Gaaitzen J. de Vriesa, Abdul A. Erumbana, Marcel P. Timmera, Ilya Voskoboynikova, Harry X. Wua (2012), Deconstructing the BRICs: Structural transformation and aggregate productivity growth. *Journal of Comparative Economics*; Margaret S. McMillan and Dani Rodrik (2011), Globalization, Structural Change and Productivity Growth, NBER Working Paper Series.

Таблица 3.1. Характеристики рынка труда и производительности труда (ПТ) в экономике России в 2002–2016гг.

	Численность занятых в 2016 г. (оценка авторов ¹¹)			Соотношение абс. уровней ПТ со средним по экономике, раз		Среднегодовой прирост ПТ, % (прямые данные Росстата)
	Тыс. чел.	% от общего	Рост в 2016г. относительно 2002г.	2002	2016	
Всего	67 138,7	100,0%	102,4%			3,4
в том числе:						
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	6 045,8	9,4%	73,5%	0,33	0,35	3,1
Рыболовство, рыбоводство	141,7	0,2%	118,1%	1,16	0,72	0,2
Добыча полезных ископаемых	1 084,9	1,6%	93,3%	4,64	4,43	3,3
Обрабатывающие производства	9 622,9	14,8%	79,6%	0,74	0,73	4,9
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1 856,2	2,9%	98,2%	0,98	0,90	0,9
Строительство	5 407,0	8,4%	121,3%	0,52	0,65	3,6
Оптовая и розничная торговля; быт. ремонт	12 737,5	18,3%	128,7%	0,76	0,64	3,3
Гостиницы и рестораны	1 409,6	1,9%	131,0%	0,42	0,32	1,7
Транспорт и связь	5 389,3	8,0%	105,4%	0,88	0,77	3,9
Финансовая деятельность	1 208,3	1,9%	169,0%	1,23	2,11	3,6
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	6 071,3	8,6%	123,6%	0,99	1,49	3,1

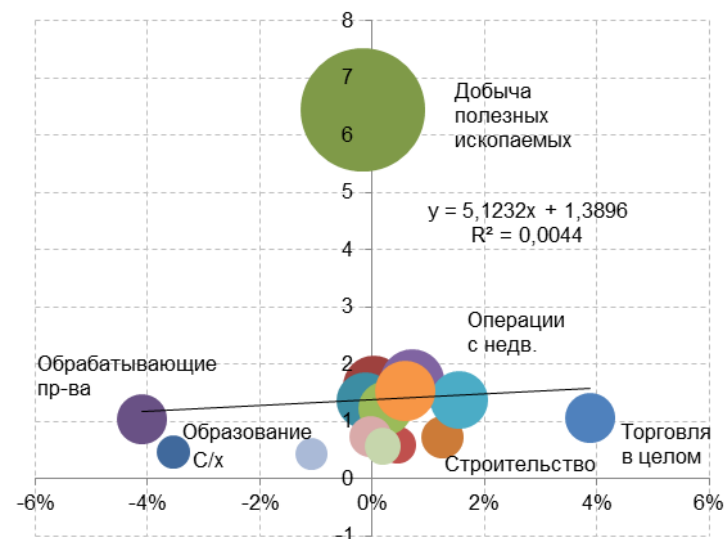
¹¹ Оценка авторов на основе прямых данных Росстат о занятых в экономике в 2002–2015гг. и учета оперативной ежемесячной статистики числа замещенных рабочих мест в 2016 г.

Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	3 613,2	5,5%	115,1%	1,10	0,95	нет данных
Образование	5 457,7	8,2%	90,40%	0,31	0,24	нет данных
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	4 484,8	6,7%	102,0%	0,53	0,39	нет данных
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	2 512,4	3,7%	107,7%	0,41	0,32	нет данных

Источник: Росстат, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Однако при этом обрабатывающая промышленность (за рядом исключений) пока слабо развита как в технологическом плане, так и с точки зрения организации управления и потому не очень эффективна и привлекательна как объект инвестиций. **Темпы роста производительности труда в обрабатывающей промышленности в последние 14 лет не очень сильно опережают средние для экономики в целом и для доминирующего добывающего сектора** (табл. 3.1). Рисунок 3.7 и таблица 3.1 показывают: налицо огромное превосходство добывающей промышленности над остальными ВЭД по показателю производительности труда в абсолютном выражении. Ее превышение среднего уровня производительности для экономики в целом в период 2002–2016 гг. осталось практически неизменным, составляя 4,6–4,4 раза (в значительной мере это объясняется ценовой рентой, аккумулированной отраслью в период высоких цен на нефть). При этом возможности нефтегазового сектора по привлечению новых работников невелики в силу ограниченного внешнего спроса на сырье. Если в 2002 г. в отрасли работало 1,16 млн чел. (1,8% всех занятых в экономике), то к 2016 г. число занятых в ней не только не выросло, но даже упало на 78 тыс. чел. при росте числа занятых в экономике в целом примерно на полтора миллиона (табл. 3.1). Таким образом, в том, что касается перетекания трудовых ресурсов, то ни добыча, ни обработка его не обеспечивают. Российская добывающая промышленность демонстрирует минимальный отток, при этом из

Рис. 3.7. Структурные сдвиги на рынке труда в российской экономике в 2002–2016 гг.

Примечание. Ось X – изменение доля сектора в численности занятых, п.п.; ось Y – соотношение сектора в 2002 г. с уровнем производительности труда в среднем по экономике, раз; размер пузырька – абсолютный уровень производительности труда в 2002 г.

Источник: Росстат, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

обрабатывающей промышленности (как и из сельского хозяйства) отток весьма существенный. Так, отток занятых из обрабатывающей промышленности составил в наблюдаемый период около 2,4 млн чел., а их доля в общей численности занятых упала на 4 п.п., составив в 2016 г. немногим более 14%. Приток же наблюдается в торговле и в сфере коммерческих услуг, то есть в отраслях, создающих небольшую добавленную стоимость в расчете на одного занятого, что является типичной ситуацией для страны, подверженной «голландской болезни» и преждевременной деиндустриализации. Конечно, сфера услуг может быть высокопроизводительной отраслью, но спрос на ее продукцию должен кем-то генерироваться, и это, как правило, обрабатывающий сектор экономики внутри страны или внешний сектор (включающий в себя население и иных экономических агентов зарубежных стран в случае, например, индийского экспорта информационно-коммуникационных услуг). Однако, первичный толчок развитию сферы услуг чаще всего все же дается развитой внутренней обработкой, встраивающейся в существующие глобальные цепочки создания стоимости или создающей (при удачном стечении обстоятельств) собственные цепочки такого рода.

В целом, как видно из рис. 3.7, **зависимость притока трудовых ресурсов от фактора более высокой производительности труда в России пока крайне невелика**, даже если не учитывать огромное превышение добывающей промышленности над остальными по уровню производимой подушевой добавленной стоимости. Для превращения такого перетока в значимый фактор экономического роста российской экономике нужны новые технологии, чтобы на отраслевом уровне возникали новые очаги роста и высокой производительности. При этом правила игры должны быть перестроены так, чтобы, во-первых, содействовать массовому возникновению таких очагов, во-вторых, способствовать выходу производимой в них продукции на внешние рынки, в-третьих, обеспечивать переток в них трудовых ресурсов из менее производительных секторов.

Валерий Миронов, Людмила Коновалова, Алексей Кузнецов